

Богдан

Баляса

И БЫТЬ
СВОБОДНЫМ

Богдан Баляса
И БЫТЬ СВОБОДНЫМ

«Автор»

2026

Баляса Б.

И быть свободным / Б. Баляса — «Автор», 2026

Все это уже совсем никуда не годится. Это понимает каждый житель Республики — несчастной страны, зажатой со всех сторон враждебным миром. Ее золотой запас давно заржавел, ее белые поля и черные леса растворились в низко нависших облаках. Единственное, что поддерживает слабый огонек жизни в душах ее обитателей, — это война. Она заставляет их вновь и вновь просыпаться, разводить печку последним брикетом торфа — и ждать. Ждать, когда же все это наконец закончится. Ведь даже несмотря на войну, кажется, что ждать осталось совсем недолго — счет жизни страны идет на секунды. Только вот каждая секунда теперь растягивается на века. Быть может, выйдет так, что граждане Республики и сами не заметят, как обретут столь желанную свободу?

© Баляса Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Богдан Баляса

И БЫТЬ СВОБОДНЫМ

«Война — область недостоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности...»

Карл Филипп Готлиб фон Клаузевиц

Глава первая

в которой кажется, что туман начинает сгущаться

По коридору, края которого терялись в грязных сумерках, разнесся протяжный колокольный звон. Такой глубокий и низкий, что от стен, выкрашенных казенной синей краской, отклеились и медленно поплыли вниз невесомые искорки изморози. Немного покружившись, они приземлились на узорчатый керамический ковер и погасли.

Вместе с ними погасла и масляная лампа, предусмотрительно прихваченная Следователем из пустующей сторожки. Вот еще... Эдак теперь все ноги попереломаешь. Бывший писарь — как бишь его звали... тот, разжалованный ныне в сторожа, — сделал все, что было в его силах — проложил по обледеневшему коридору кривую дорожку из неотесанных сосновых досок. Его старания пошли прахом — доски тут же покрылись толстым слоем льда, и ходить по ним стало еще опаснее, чем по скользкой плитке.

Ориентируясь на путеводную звезду некогда огромного, но теперь наполовину забитого фанерой окна, Следователь кое-как добрался до лестницы. Кряхтя и чертыхаясь, спустился на цокольный этаж по широким кварцевым ступеням и навалился на щедро обитую войлоком дверь.

В присутствии было довольно тепло. Под ногами кисла черная снежная грязь, а пар изо рта больше не клубился густыми облаками — превратился в едва заметную туманную дымку. Узкий, не чета прежнему, коридор слабо освещали рожки газового освещения, но смотреть было совершенно не на что. Длинные черные лавки, бесконечные ряды пестреющих разномастным утеплением дверей — и ни души. Хотя нет, вон в дальнем углу шевельнулась черная бесформенная тень — сгорбившийся и закутанный в ватный тулуп караульный. Он же по случаю и конюх, и посыльный. Даже с такого расстояния чувствовалось, что тулуп пахнет.

Следователь поморщился и направился к двери приемной, но тут внезапно стало темно. Совсем. Газовые рожки, не сговариваясь, ярко вспыхнули и тут же погасли. Всего на секунду — но по телу привычно прокатилась волна колючих мурашек; уши под форменной фуражкой запылали огнем, а сердце гулко забарабанило по ребрам. Но вот щелкнули пьезоэлементы, послышалось приглушенное шипение, и тусклый свет вернулся. Следователь медленно опустился на лавку. Что же это с ним такое? Уж и не припомнить, когда началось...

— Господин ротмистр! — раздалось вдруг откуда-то словно бы издалека. — Вы в порядке? Не зашиблись хоть?

Следователь медленно поднял голову. Слегка расплываясь в неясном подрагивающем свете, возле него стоял молодой экспедитор при делопроизводстве, только недавно заступивший на службу. До этого он, кажется, числился регистратором. Вот что, что ему отвечать?

— Ах беда, — вяло всплеснул руками чиновник. — На вас лица нет. Сколько раз я говорил его превосходительству, нельзя в таких условиях службу справлять... А то что же это, доски...

Он говорил медленно и монотонно, никак не желая оставить Следователя в покое. Тот пробормотал в ответ что-то невнятное и с трудом поднялся с лавки. Нужно было поскорее сбежать в приемную. Вот уже и караульный зашевелился, высунулся из тулупа и принялся утробно икать:

— Чево... Вашбродь!

Встать-то Следователь встал, но тут выяснилась новая проблема: совершенно вылетело из головы, какой по номеру кабинет ведет к полковнику. От этого снова начало подступать к горлу — пустое, черное, безразлично-холодное. Неожиданно вырубил экспедитор:

— Вы же к его превосходительству? Так вы проходите, проходите, я дверку попридержу. Ах, что же это у нас делается...

Полковника было не узнать — так сильно подкосили его последние времена. Из-под синего воротничка торчала высохшая кадыковатая шея, сквозь прилизанные редкие волосы поблескивали островки залысин. Он бессильно привалился к массивной стенке пустого книжного шкафа, прижимая к уху слуховую трубку телефонного аппарата. Другую руку он держал на лбу, и Следователь зачем-то последовал его примеру — приложил холодную тыльную сторону ладони к мокрому от испарины лицу. Полковник поднял на него свои выцветшие за время бессонных дней глаза, но истолковал его движение неверно; скривился и брезгливо махнул рукой — проходите, мол, уже, не до церемониала. Кивнул на стул, а затем на батарею парового отопления.

Следователь бросил на него благодарный взгляд, снял фуражку и придвинул тяжелый стул к теплым, пахнущим сыростью трубам.

— ... так что не извольте беспокоиться, — пищала тем временем трубка, — с телеграфом мы мигом управимся! Не дольше чем через неделю восстановим в лучшем виде. Есть у нас один человек — чудо, а не человек, право слово...

Полковник скривился еще пуще и с трудом пробормотал:

— А что же эта ваша хваленая... радиотелефония? С ней тоже какая-нибудь... оказия?

Трубка затрещала, зашипела, и сквозь шум донеслись редкие обрывочные оправдания:

— ... не могу знать... не по нашему ведомству... право слово, ваше превосходительство...

Связь с каждым словом делалась все хуже и хуже, и дослушивать его превосходительство не стал — с тихим стоном шмякнул трубкой о крючок и медленно опустился в кресло. Какое-то время он молча глядел на повязанную тесемкой бледно-персиковую папку, а затем наконец вздохнул:

— Вторую неделю дальше «Искры» — ни слуху ни духу. Ничего! Ни тебе телеграф, ни радио — ничего не берет. Померзли они там все, что ли, к чертям...

Он пожевал губами и усмехнулся:

— И знаете что? Я ведь, голубчик, уже и в Главный штаб, и в Военную канцелярию отписывал. Говорю, ладно мы; наше жандармское дело маленькое, а что будете делать, ваше высокопревосходительство, если с фронтом чего, а? А локти кусать будете, вот что.

Следователь, до того сидевший, понуривши голову, вдруг внимательно заглянул в пустые серые глаза страдальца и тихо произнес:

— Ваше превосходительство... — Тут он запнулся, подбирая слова, но решил обойтись без экивоков. — Вы бы отдохнули маленько. Я ничего, я подожду, если дело не срочное...

Полковник откинулся в кресле и снова приложил руку ко лбу.

— Дело срочное, — заметил он едва слышно, — но вы, пожалуй, правы. Вы тоже пока, того, располагайтесь...

Он еще не договорил фразы, а рука его уже безвольно упала на подлокотник; острый подбородок уперся в грудь. Спустя несколько секунд из кресла послышалось тихое беспокойное посвистывание. Тогда Следователь расстегнул тугую пуговицу на воротничке и прижался боком к горячей батарее.

А ведь и правда — что же это делается, думал он, глядя в грозно выпученные глаза Председателя на покосившемся на сторону портрете. Как такое вообще может быть — чтобы в военное время — в суровое, беспощадное, единственно важное время... Тогда, когда каждая крупинка человеческого тепла должна быть вложена в общий котел Победы, когда на карту поставлено буквально все, что у них еще осталось...

Следователь нахмурился. Нет, не так; дело даже не в этом, а в том, что выходила какая-то уже совершеннейшая ерунда. Хорошая четверть северной ветки лежит без связи — это, конечно, катастрофа, но то район уже прифронтовой, чего удивляться. Артиллерия там, говорят, свирепствует, летучие отряды косорылых бродят как у себя дома... да чего уж таить — и наших товарищей-революционеров хватает. Тревожило другое. Да, случиться может всякое, тем более в жестокой войне на выживание, но... две недели? И еще недельку подождать? Да за это время враг втихомолку порежет фланги, перебьет все наши транспортные артерии и вырвется на оперативный простор! И тогда встречать его будем уже по меньшей мере на линии «Вспышки», а то и чего похуже. Эх, а ведь там и укреплений-то наверняка не нарыли за все это время... Ей-богу, не нарыли.

Черные, как всегда, слегка навывкате глаза Председателя смотрели строго и словно бы испытующе, а тонкие губы сжимались в едва заметной усмешке. Следователь нахмурился и отвел глаза. Кем это вы себя возомнили, господин штабс-ротмистр? Неужто без ваших стратегических талантов никак не справятся? Конечно, наверху сплошь бардак и раздор, но все же сколько лет подряд фронт держали — ни пяди не сдали; а вот тут без вас не сдюжат, как же. Нет, уж извольте заняться прямым своим делом — носом в землю, и вперед по следу. Судьбы государства оставьте кому по должности полагается; равно как и метлу — дворнику, а винтовку — солдату.

Следователь вдруг представил себе этого самого солдата. Он сидел скрючившись в три погибели над слабым огоньком траншейной свечи; по промерзшим земляным скатам уходили в небо кривые черные трещины. Вот по окопу, сплошь усеянному такими же застывшими в тишине фигурками, будто бы пошло некое движение: словно волна на воде, по всему зигзагу позиции прокатилось беспокойство. Что-то сейчас произойдет; солдаты это чувствуют — кончиками пальцев, волосками на коже...

Следователь вздрогнул и открыл покрасневшие от дремоты глаза. Кабинет тоже слегка дрогнул, звонко задребезжал серебряный подстаканник на столе. Потом еще. И еще... Где-то там — за массивными, еще доповоротной конструкции стенами Жандармского управления — прорывал туман тяжело груженный торфом железнодорожный состав Трансполярного экспресса.

— Впрочем, это не наше с вами дело, — полковник тоже проснулся и, кажется, продолжал разговор, словно бы тот вовсе и не прерывался. — Вы же не радист? Вот и я тоже нет.

Следователь украдкой покосился на шефа — мысли он, что ли, читает? А тот тем временем продолжал, задумчиво глядя куда-то сквозь августейший портрет на стене.

— В конце концов, может, это только для нас с вами связи нет, а для кого надо — есть, да-с! Слыхали, как нынче говорят? Главный фронт теперь психологический! Как бы того... кхгм, самим себе не проиграть. Ну да сами знаете.

Полковник провел рукой по столешнице, заваленной пустыми бланками; рассеянно вдавил кнопку электрического звонка. Откуда-то из-за стены послышалась заливиная латунная трель. От резкого звука полковник вздрогнул и уставился прямо в глаза Следователю, словно бы только его заметив. Его взгляд сделался властным и требовательным — таким, от которого сама собой выпрямляется спина и застегивается тугая пуговица воротничка.

— Две недели тому, — по тону сразу стало ясно, что шеф наконец перешел к делу, — как вы знаете, в столицу с донесением в Главный штаб прибыл его высокопревосходительство господин Военный аташе Республики при свите Председателя. Помимо секретной части, в планах было участие в параде и маневрах. В связи с известными вам обстоятельствами, впрочем, ни того, ни другого не проводилось, но это, опять же, вопрос не к нам... Да вы и сами все помните.

Следователь вытянулся в струнку и глупо уставился в угол кабинета — там, от самого пола, к потолку уверенно подбиралась паутина неправдоподобно черной густой плесени.

— Точно так, — пробормотал Следователь, сжав губы. Ничего он такого не помнил — ни атташе, ни парада, ни маневров. А полковник, до того говоривший уверенно и даже жестко, вдруг снова сник; огонек, горевший в его глазах, погас, растворившись в бесцветной радужной оболочке. Он тоскливо махнул рукой и ни с того ни с сего протянул:

— Пропал...

От одного этого слова перехватило дыхание и скрутило живот. Неужто раскусил его многоумный шеф? Сейчас возьмет да и погонит взащей со службы — и правильно сделает: никуда он, Следователь, последнее время не годится... Да только кем же ему быть, если не Следователем?

— Ваше превосходительство, — выдохнул он, не сводя глаз с начальства. — Позвольте объяснить...

Полковник крикнул:

— А я от вас меньшего и не жду, голубчик! Хотя дело ваше, если честно... тухлое. Мы уж, конечно, похлопотали, как полагается — денщиков ихних и адъютантов опросили, но те что — рот на замке... «Отбыли на Северный фронт по государственному делу» — и все тут. Нумера гостиницы... ну, в которых квартировать изволили, обыскали-опечатали. Ни-че-го. В путевых листах — сами понимаете... Ох, да и в лазаретах уж справлялись, и циркуляры рассылали... Понимаете, к чему я веду?

— Нет, — честно признался Следователь, который действительно перестал понимать что-либо.

Полковник вздохнул и постучал костяшками пальцев по коленкоровому корешку папки:

— Пропал господин Атташе. Без вести. И ни одна собака не говорит, куда. Вы это — посидите пока, покумекайте, что к чему, а я вам чая организую.

Он снова вдавил кнопку звонка, и снова издалека послышался мелодичный звон. Он эхом отозвался в голове Следователя, расшевелив сонные, спрятавшиеся по углам мысли. Захотелось вскочить и закричать во весь голос: «Это как это пропал?», да еще и по столу кулаком хряпнуть. Но вместо этого Следователь лишь еле слышно проблеял в который раз за день:

— Что же это такое делается?

— Да-с, — развёл руками полковник, — это даже по нашим меркам уже того, кхгм, чересчур. А я ведь еще давеча...

Но Следователь уже его не слушал. Его голова наконец-то начала работать — что-то в ней медленно задвигалось, завертелось, мысли гурьбой ринулись в сознание, толкаясь локтями и вытесняя друг друга. От этого тут же вышла непочтительность по отношению к начальству:

— Да это же заговор, — страшно прошептал Следователь, перебивая жалостливые, почти старческие причитания, — ведь иначе никак, ваше превосходительство!

— То-то и оно, — вздохнул полковник, совершенно не обидевшись на нарушение субординации. И вдруг добавил, снова повторяя недавнюю мысль Следователя практически слово в слово:

— Иначе получается уж совсем какая-то нелепица...

«Лучше бы это оказался заговор» — вот что читалось в тот момент в изможденных серых глазах полковника.

— Ваше превосходительство, разрешите приступить? — так молодцевато, как только мог, гаркнул Следователь и даже подбородком дернул, хотя и представления не имел, что ему со всем этим теперь делать.

— Ишь какой приткий... — проворчал полковник. — Нет уж, голубчик, на одном энтузиазме далеко не уедете, послушайте человека опытного... Что же, по-вашему, мои орлы знай баклуши били?

Он пошамкал губами и принялся рыться в ящике письменного стола, приговаривая при этом:

— Не все так просто нынче для нашего брата... Официальное дознание ничего не дало — ну на то оно и официальное... а мы с вами вот что.

На стол легла небольшая потертая книжечка и плотный лист гербовой бумаги.

— Берите-берите, не стесняйтесь, — кивнул полковник.

Следователь открыл тонкую, всего в несколько страниц, книжицу. На форзаце крупными каллиграфическими буквами было выведено: «Удостоверение общества попечения о раненых и больных воинах», а чуть ниже алел ярко-красный круг с расходящимися в сторону лучами. Вот это да... А бумага — пропуск добровольца, позволяющий пребывание на прифронтовой территории! Следователь смотрел на все это и только глаза пучил — ай да шеф!

— Повязки не нашли, так что вы уж как-то сами разберитесь, — развел руками полковник. — Но она для добровольцев Красного Солнца и не обязательна. Мысль ясна? Потихонечку. Ненавязчиво. Аккуратненько... Партикулярным, кхгм, образом!

Он погрозил пальцем:

— Но без самодетельности, а то знаю я вас, голубчик! Все, что узнали, докладывать мне лично! Никаких действий без моих санкций не предпринимать. И вот еще что. — Он немного помялся. — Пожалуй, официально вы пока побудете... в отпуске. Скажем, по неотложным личным делам...

Полковник встревоженно посмотрел на застывшее лицо Следователя и насупил:

— Вы не подумайте плохо! Я в долгу перед вами, господин штабс-ротмистр, не останусь, сами знаете! Будут результаты — я уж по своей линии похлопочу, да-с! Гор золотых обещать не буду, но уж класс мы вам обеспечим, а то что же — такой человек, и все не в советниках...

Следователь встрепенулся:

— Да что вы, ваше превосходительство! Я совсем не в том смысле... Я с превеликим удовольствием, как скажете.

Полковник вздохнул и потер переносицу:

— Вот и хорошо. Благодарю, голубчик. Ох, сами видите, на что идти приходится — затравили нас, как зайцев на охоте... А дело-то между тем ого-го какое. Государственное! И Председатель непременно осведомлен, это уж будьте уверены. Да только что толку...

Он горестно махнул рукой и бессильно погрозил пустоте кулаком:

— Эх, вот бы как раньше — взять мерзавцев за бороды, да и тряхнуть как следует — авось и порастеряли бы всю свою воинственность...

Следователь нахмурился. Да, в армии нынче много перегибов, это правда; но ведь и времена уже не те, что до Поворота. Плотоядные теперь времена. Сейчас на первом месте всегда война, а она, как ни крути, всегда перевесит — что бы ни лежало на другой чаше весов. Он даже собрался высказать это полковнику — разумеется, в вежливой и почтительной манере — но тут дверь отворилась, и в проеме показалась сонная небритая физиономия денщика.

Глаза его превосходительства на секунду вспыхнули огнем, но тут же погасли.

— Ах ты скотина, — пробормотал он и гаркнул: — Отставить!

Денщик испуганно вытаращил глаза, но не двинулся с места.

— Стучаться, — зашипел полковник, — стучаться, сволочь, тебя учили?

— Ваше превосходительство... да она войлоком обита, дверь! Не стучится она, я ведь пробовал... — Тут он заметил, как перекосилось лицо начальника, и быстро прибавил: — Виноват!

Полковник лишь махнул рукой и угрюмо буркнул:

— Ну что?

Денщик глупо поморгал глазами и вытянулся:

— Явился по вызову его превосходительства!

Лицо полковника страдальчески сморщилось, и на какое-то время в кабинете повисла тишина. Ее нарушил денщик, который очень осторожно поинтересовался:

— Может, нужно чего? Самовар могу обеспечить, мигом! Оно нынче в такую холодину горяченькое...

— Неси, — перебил его шеф и покачал головой, обернувшись к Следователю. — Ну вот, видите? Безобразие.

Тут он спохватился и протянул ему папку:

— Ах да... Тут, конечно, не густо, но... все, что сумели разнюхать. Как там говорит революционный элемент? «Все ваше теперь наше»? Так вот у меня наоборот. Все, что мое — ваше.

Следователь встал и с поклоном принял папку.

— Нет-нет-нет, — с напускной строгостью заявил полковник. — Извольте сесть обратно. Я вас еще не отпускал! Посидим славно, почаюем...

— А я-то думал, я в отпуске, — улыбнулся Следователь, усаживаясь обратно.

Глава вторая

в которой лишь понапрасну тратят дрова

Еще несколько минут назад пузатый, великолепно бокастый и замечательно медный самовар неистовствовал: пел во все горло, шипел паром и брызгался кипятком, а теперь стоял на столе без малейших признаков жизни, тоскливо понутив свой блестящий носик. И виноват в этом был отнюдь не швейцар-истопник — хоть и был он той еще бестолочью, безнадежно закулившей аудиторию дымом сосновых шишек. Виновата была сама проклятая промерзшая аудитория — она алчно набросилась на источник тепла и уюта, по-крохоборски равномерно рассеяла ароматные клубы пара... Комната высасывала жар нагло, прямо из-под носа. Вот, скажем, подносишь пиалу к губам — там жар-пар такой, что аж сербать приходится. Тянешься за следующим глотком — а вместо кипятка уже едва теплая бледноватая водица.

Покойный Учитель, земля ему пухом, объяснял это так: с течением времени, по мере усложнения системы, скорость рассеивания энергии растет пропорционально. Как-то он это даже аргументировал, помнится... Надо как-нибудь отыскать его старые конспекты, любопытно будет перечитать. Конечно, теперь — с началом нового века Просвещения — когда все вопросы тепловедения уже заучены до дыр, все это звучало нелепо, но...

Профессор осторожно приложил ладонь к блестящему медному боку, готовясь тут же ее одернуть. Увы — самовар остыл окончательно и бесповоротно. Зато пришла в голову полезная идея: продемонстрировать подобный эксперимент студентам. Профессор забормотал вполголоса, усваивая и репетируя новообретенную мысль:

— ... и вот чай остыл, отдав всю свою энергию в пустое пространство... Вы, должно быть, подумали: ну и пускай, обойдется старик без своего кипятка, зато нам в аудитории теплее станет. Но вот нет, шиш с маслом! Так-то оно, может, и так, согласно первым двум началам... Только вот на практике теперь и мне холодно, и вам не лучше!

Вот, подумал Профессор. Оно и наглядно выходит, и подтекст политический имеется — а то среди молодежи нынче мало кто не бредит революционными идеалами. Ишь чего удумали — все на свете уравнивать.

— Прошу извинить, ваше превосходительство! — зазвенел над самым его ухом пронзительный мальчишеский голос.

Профессор рассеянно поднял глаза и заметил, что аудитория уже снова полна черных мундиров и белых парадных перчаток. Эка их вырядили, сонно подумал он, глядя на вытянувшихся по струнке юнкеров. Наверняка, чтобы не ронять честь училища перед гражданским. Да только ему какое до этого дело? Лучше бы книжки им какие выдали, дубинам.

С образованием у юношей и вправду ситуация выходила катастрофическая. Они не прошли даже курса шести классов гимназии или реального — и оттого не знали и не понимали ровно ничего, кроме основ истории, топографии и фортификации. Прекрасный, выстрадавший загодя план лекции полетел в корзину после первых же встречных вопросов — и теперь приходилось импровизировать, объясняя несчастным азбучные истины и базовые принципы мира, в котором они имели счастье проживать.

— ...Господин действительный советник, член-академик Республиканского технического общества! Поблагодарим господина профессора!

Юный предводитель своего немногочисленного воинства оглушительно шелкнул каблуками, отдал Профессору честь и промаршировал обратно к скамье.

— Да-да, — Профессор поморщился и помассировал переносицу, — кто из вас готов выступить и обобщить все полученные вами сегодня... кхгм... знания?

По аудитории пробежала волна, выбросив на берег давешнего предводителя — белобрысого, зеленоглазого, покрытого россыпью веснушек.

— Так точно, ваше превосходительство! — Он встревоженно заглянул в конспект и вытянулся по стойке смирно. — Докладываю!

Еще раз бросил взгляд на бумажку, жалобно откашлялся и наконец начал:

— Сегодня мы узнали, что живем на планете, которая имеет форму шара. Одной своей стороной шар всегда обращен к свету, а другой — ко тьме. Свет испускает другая планета...

— Не планета, — устало поправил Профессор, — а звезда.

— Виноват, ваше превосходительство! Именно что звезда. Звезда, которую мы зовем Солнцем, являет собой вечно горящую планету несравненно большего размера, нежели наша, и температура ее достигает...

Юнкер в панике забегал глазами по криво исписанному конспекту, и на его лбу выступила испарина. Профессор сжалился:

— 2700 градусов. Но обратите внимание, что, когда мы говорим о температуре небесного тела, мы используем абсолютную шкалу, а не относительную.

— Так точно, не относительную! — Юнец оживился и продолжил уже по памяти: — И несмотря на то, что Солнце находится от нас очень-очень далеко, мы все равно чувствуем его жар. Именно поэтому наше государство расположено в так называемом сумеречном поясе — ведь на темной стороне планеты... слишком холодно, а на светлой — слишком жарко.

Судя по замешательству мальчишки, числовые значения никак не хотели откладываться в его голове, и Профессор был вынужден снова прийти на помощь:

— На темной стороне средняя температура не превышает -100 градусов, а на полюсах и вовсе опускается до -130 . Это зона вечных льдов; она ничем не примечательна и совершенно непригодна для какой-либо жизни. Зато на светлой стороне температура уже на побережье может достигать значений в $+20$, а то и в $+30$ градусов... Можете объяснить, юноша, почему же и в этой области также невозможна жизнь?

Белобрысый открыл было рот, но тут из рядов черных мундиров на скамьях вдруг донеслось удивленное восклицание:

— Так там же океан!

Классный офицер-воспитатель, все это время мирно дремавший за своим стулом, неожиданно проснулся, вскочил с места и решительно двинулся в сторону нарушителя благопристойности и порядка. Юнкеры застыли, в страхе сомкнув свои ряды, но Профессор успокаивающе поднял руку и сказал:

— Ничего-ничего, юноша выдвинул совершенно справедливый тезис... Да, действительно, практически всю светлую сторону покрывает сплошной соленый водоем, однако для развития живых существ этот фактор является скорее преимуществом... Кто же может сказать, где скрывается истинная суть проблемы?

Белобрысый предводитель зря времени не терял, на протяжении всей сцены жадно вчитываясь в конспект, и теперь пребывал в полной боеготовности:

— Разрешите, господин профессор? Проблема заключается в нестабильной погоде. В океане ни на секунду не стихают штормы и ураганы, а также наблюдается такое явление природы, как гид-ро-ди-на... гидродинамическое...

— Гидродинамическое истечение атмосферы. Давайте я вам еще раз объясню. — Профессор встал с кресла, заложил руки за спину и прошелся по скрипучим от холода доскам кафедры. — Итак, на теплой стороне, а в особенности в районе субзвездной точки, вследствие жесткого излучения близко расположенного светила возникает феномен постоянного термосферного раздува...

Профессор посмотрел на прилежные, совершенно бессмысленные лица слушателей и одернул себя на полуслове.

— Если говорить попросту, воздух в тех областях сильно нагревается и расширяется — да так, что достигает скорости убегания. Поэтому, если бы мы имели возможность посмотреть на нашу планету со стороны, мы бы наблюдали, как за ней тянется длинный сверкающий хвост...

Не успел он этого договорить, как вновь с задних рядов послышался полный любопытства голос давешнего нарушителя субординации:

— А куда же он, воздух наш, девается?

Вопрос был чудесный. Профессор даже улыбнулся, энергично потирая руки.

— Вот! Именно об этом мне и хотелось сегодня с вами...

Но тут его снова перебили — причем самым бесцеремонным образом. Офицер-воспитатель вскочил со своего места сразу же после вопроса юнкера, но накинулся почему-то не на него, а лично на Профессора.

— Ваше превосходительство, приношу свои извинения, — отчеканил он неожиданно ледяным тоном, — однако вынужден вмешаться по долгу службы... Мне кажется, что подобные досужие рассуждения ни в коей мере не входят и не могут входить в курс общей образовательной программы, более того! Имею смелость заявить, что...

— Сядьте, — раздался вдруг властный голос, явно привыкший командовать, — и помолчите. Любопытно же.

Офицер вспыхнул и стремительно развернулся на каблуках. Побелевшие юнкеры так вжались в скамьи, что резко уменьшились в объеме. За ними, на самой последней скамье, обнаружился господин весьма примечательного вида. На первый взгляд, он не производил особого впечатления — потертая серая шинель с поднятым воротником явно видала виды, место подобающей погоде меховой шапки занимала куцая фуражка с красным околышем, а знаков отличия не наблюдалось вовсе. И тем не менее пылающий яростью взгляд офицера-воспитателя тут же с тихим шипением погас, едва только столкнувшись с невзрачным обидчиком.

Этого чиновника — а это, без сомнения, был чиновник, причем весьма серьезного класса — Профессор заприметил давно. Едва началась лекция, серая шинель тихонько просочилась сквозь двери и аккуратно растворилась за черными юнкерскими мундирами, сохранив таким образом свое инкогнито.

Какое-то время Профессор рассеянно размышлял над этим странным явлением. Офицер-воспитатель от юнкерского училища — этот-то понятно зачем сопровождал мальчишек: следить, чтобы, не дай Бог, не заразились опасной либеральной заразой, что, как известно, являлась истинным бичом всей академической среды... Но серый господин явно был птицей куда более высокого полета.

Тем временем оскорбленный в лучших чувствах офицер, так и не произнеся ни слова, сделал то единственное, что оставалось в его власти — клопоча от бессильного бешенства, выставил за дверь любопытного наглеца-юнкера. Тут уж разозлился и Профессор.

— Послушайте, любезный, — с деланным недоумением обратился он к воспитателю, — вы, должно быть, ненароком упустили суть нашей ученой дискуссии... Видите ли, проблема термосферного раздува является важнейшим вопросом, от которого напрямую зависят наши дальнейшие успехи на фронте. Вы что же, не читали мою последнюю работу «О баллистике снаряда в разреженном воздухе»? Может, просто запамятовали? Погодите-ка! Неужто и доклад «О проблемах критического *ratio effectus* паровых машин» не изучали? Нехорошо-с...

У офицера неожиданно закончился запас негодования, и он потерянно увалился на стул, даже не попытавшись обжечь Профессора яростным взглядом. В наступившей вакуумной тишине отчетливо послышалось, как насмешливо крякнул господин в шинели. Но Профессора уже было не остановить. Ничего, любезный, сейчас он такую лекцию задаст, что потом долго будете оправдываться!

— Итак, возвращаемся к последнему вопросу от аудитории. Куда девается газ, который теряет наша планета... Да! Это очень хороший вопрос. Для начала, может, кто-нибудь скажет, а что вообще находится между нами и Солнцем?

— Ничего, конечно... — белобрысый юнкер даже шею перестал тянуть от удивления и оттого стал наконец похож на самого обыкновенного нормального мальчугана.

— Так-так... А за Солнцем — тоже ничего?

Юнкер смутился, заподозрив подвох, и лишь нерешительно кивнул. Профессор же одобрительно подмигнул ему и потер руки.

— Чисто формально, вы, юноша, правы... Однако современная наука имеет на этот счет... кхгм, свои соображения. Конечно, подтверждений этой теории еще не найдено, но...

— Тут Профессор почему-то смутился, но затем тряхнул головой и решительно подытожил: — Но наш мир — далеко не единственный в своем роде!

И уже в следующую секунду на бедных юнкеров — побледневших и вжавших головы в плечи — обрушилась целая лавина информации. Профессора было не узнать — он вдруг сам вытянулся в струнку и принялся энергично носиться туда-сюда по кафедре, размахивая своими длинными костлявыми руками; его лицо порозовело, а глубокие морщины исчезли, будто бы их вовсе и не бывало.

Не слыша и не видя никого вокруг, он стучал мелом по доске, изображая бесконечные мириады звезд; дрожащим от волнения голосом описывал сияющие на фоне тьмы скопления звездного газа и пыли... Он с размаху бил по массивной столешнице кулаком, когда говорил о колоссальных взрывах, в которых рождались новые Солнца, и приглушал голос до мистического шепота, описывая таинственную рябь эфира, вызываемую гравитацией массивных космических тел.

Профессор мог говорить об этом часами — ведь это была его Работа. Единственная, главная работа всей жизни.

— ... и эфир постоянно перемешивается, гонимый буйными звездными ветрами...

Тут он наконец решил перевести дух, чтобы продолжить с новыми силами — и только тогда заметил, что все еще находится в аудитории; что на скамьях впереди сбились в кучу оторопевшие ученики, а прямо перед ним стоит офицер-воспитатель — и вместо лица у него застывшая каменная маска. Профессор довольно ухмыльнулся и обратился прямо к аудитории, не обращая на него никакого внимания:

— Ну что, господа юнкеры... Спрашивайте!

И приготовился. Он знал, как это обычно происходит: первые вопросы раздаются робко и неуверенно, но затем зал постепенно раскачивается, идет волнами — и наконец поднимается тот самый веселый, возбужденный университетский гвалт.

Но никаких вопросов не последовало. Профессор нахмурился: неужто совсем ничего не поняли? Вроде ведь изо всех сил старался объяснять доходчиво, по-простому...

— Господин профессор, прошу извинить...

Это говорил белобрысый. Он замялся в явном смущении, и Профессор подбодрил его:

— Говорите-говорите, юноша. Спрашивайте все что угодно — в конце концов, это открытая лекция!

Мальчик сжал губы и тихо спросил:

— Ваше превосходительство, это очень интересный доклад, однако... зачем нам это все? Мы же не ученые какие...

И сразу же подскочил офицер, отвесил Профессору короткий поклон, принялся механически благодарить за великолепное выступление...

А Профессор стоял и молча наблюдал — как торопливо собираются юнкеры, как с удовольствием кутаются в шинели и облегченно строятся в шеренгу.

За время долгой лекции дрова в печке успели полностью перегореть, и, когда аудитория опустела, сырой пронзительный холод набросился на одинокую жертву с какой-то невиданной доселе кровожадностью. Вместе с холодом к Профессору явился и второй его вечный враг — мигрень. Тупой зазубренный шуруп медленно ввинчивался в левый висок с жестокой непреклонностью, и казалось, что он уже добрался до самого *nervus opticus*. По крайней мере стол перед его глазами начинал потихоньку покачиваться и терять четкость очертаний. А может быть, во всем был виноват лишь холод. Опять.

— Вы меня, конечно, извините, — прозвучало вдруг над самым ухом у Профессора, — но юнцы-то ведь правы. Ей-богу, правы — зачем им все это знать? Им и без этого жить тошно будет...

Профессор с трудом оторвал голову от ледяной столешницы и близоруко прищурился. Кажется, перед ним стоял давешний серый господин, незаметно очутившийся теперь каким-то образом на кафедре.

— Это вас-то отечество холит-лелеет, — продолжал тот тем временем, обводя широким жестом аудиторию, — печка вон у вас коптит, аж запарился... И это при том, что окон — десять штук!

Чиновник подошел к низеньким узким оконцам цокольного этажа и завистливо поцокал языком. В довершение всего демонстративно снял тяжелую шинель. Тут выяснилось, что господин все-таки проходил по военной линии — на погонах мундира тускло блеснули две серебряные звездочки.

— Это мое рабочее место, — с трудом ворочая языком, процедил Профессор, — и я его соержу на собственные средства.

Военный участливо покивал головой:

— Похвально-с, богоугодное дело делаете... Только вот, — он запнулся и закончил уже совсем другим тоном, — только вот ерунда это все... Не ко времени! Лишь дрова зря жжете.

Профессор стиснул зубы, но не нашелся, что возразить. Правда ведь, выходит, истинно так и есть. Тем не менее хамоватого вояку нужно было поставить на место — что он тут, в самом деле, раскомандовался? Чай не на плацу.

— Ваше превосходительство, смею напомнить, что вы говорите про учебное заведение. Храм науки... И кроме того, господин, ммм... генерал-майор? Мы, получается, с вами в одном классе. Так что извольте выражаться соответственно.

Хорошо сказал — вежливо, со сдержанным достоинством. Но военный наклонился над столом, оперевшись в него руками, и ослабил:

— Вы к нам откуда такой попали, Профессор? Прямоком из космического пространства? — и вдруг рывкнул: — Так вот держу в курсе: у нас тут война! Поэтому на ваш класс, Профессор, я...

Тут он завернул такое, что у Профессора неприятно закрутило в животе. Такого рода эпитеты можно было бы услышать разве что в самой распоследней казарме — да и то при очень большом везении.

А генерал-майор тем временем уже накинул на плечи шинель и как ни в чем не бывало продолжал — теперь уже сухим канцелярским тоном:

— Господин Профессор, имею честь передать вам отношение из Военного министерства. Извольте ознакомиться с подробностями и в ближайшее время сообщить о своем решении. Засим прошу извинить, вынужден откланяться. Служба-с.

И, не дожидаясь ответа, неспешно двинулся к выходу.

Какое-то время Профессор молча смотрел на тонкий конверт с гербами и золотым тиснением, оставленный Генералом на столе. В его измученной голове, по очереди сменяя друг

друга, вертелись всего три мысли — и все они были до крайности незамысловатыми. Первая звучала так: «Ну, это уже вообще никуда не годится». Ее Профессор отбросил сразу, как слишком уж абстрактную. Вторая уже имела некую форму и заключалась в вопросе «Что же это такое делается?» Не найдя на него ответа, пришлось целиком сконцентрироваться на последней мысли, а именно — как ему со всем этим следует поступить?

Бежать. Бежать куда угодно, но бежать — прочь из пустой аудитории, от запаха сырости, от остывшей чугунной печки. Профессор торопливо закутался в пальто, сунул в нагрудный карман казенное письмо и бросился прочь. Взбежал по короткой крутой лестнице, прогрохотал гулким эхом по каменному коридору — и навалился на тяжелую, уже успевшую примерзнуть на морозе входную дверь.

Глава третья

в которой никто никуда не торопится

Несмотря на то, что здания на бульваре были всё сплошь четырех-, край — пятиэтажные, жались они так плотно друг к дружке, что вязкий свет низкого солнца едва достигал дна этого каменного лабиринта. Поэтому одинокий пешеход, плотно завернутый в шинель и сторбившийся от холода, ступал чуть ли не наугад, то и дело проваливаясь по колено в блекло-рыжие облака пороши. Временами улица щерилась провалами обрушенных от ветхости и холода домов, и тогда мутное марево светлой стороны заползало в лабиринт, крася сухой снег тусклой медью.

Опираясь на свою парадную шпажонку, словно на трость, и посекудно чертыхаясь, Следователь шагал по сугробам и отчаянно шурил глаза, надеясь отыскать проторенную им недавно тропинку.

Вроде и совсем недолго он в Жандармерии чай гонял, а замело уж капитально. А может, и не замело. Может, просто из-за темени не разглядеть. Он окинул взглядом темные кирпичные руины верхних этажей, в глубинах которых гулко рычал сквозняк, и покачал головой. Ладно что городского освещения нет, это еще понятно: экономия. Заради кого тут, в конце концов, электричество жечь? Кроме них, жандармских, здесь никого и не встретишь — мало дураков по улицам гулять. Но жильцы-то почему без света сидят?

И действительно — огоньки цокольных этажей светились далеко не в каждом доме, и притом так скупо, что улице не доставалось и жалкого блеклого отблеска. Но со временем пропали и они; небо из грязно-рыжего вдруг сделалось грязно-черным, а колючие снежинки метели неподвижно замерли в спертom воздухе, словно устранившись перед ними мглы. Остановился и Следователь, растерянно размазывая по лицу неожиданно выступившие слезы. Нужно было пройти через подворотню — узкую, неприятную и дурно пахнущую. Обычно она кое-как освещалась длинными оконцами кухни трактира, но теперь через плотно задернутые шторы не пробивалось ни лучика.

Следователь выругался вполголоса и сделал осторожный шагок в темноту. Затем еще один, и еще... И вдруг с ужасом осознал, что вокруг больше ничего нет. Все действительно исчезло, но не разом, а именно что по очереди: сначала перестали видеть глаза, затем стало очень тихо. Пропал привычный морозный озноб — вместо него по телу прокатилась ватная волна оцепенения. Последними исчезли запахи селедочной требухи.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не прикушенная до крови губа, острой болью вернувшая Следователя из пустоты коварной подворотни. Когда он вновь открыл глаза, то обнаружил себя около дверей трактира. Да. Это он верно придумал — помещение-то сквозное, можно напрямик пройти на нужную улицу, не заходя в подворотню. Как же он сразу не сообразил...

Поскорее пройдя темные сени, забитые бочками и пустыми бутылками, Следователь осторожно спустился в подвал по крутой лестнице, толкнул мягкую войлочную дверь и с облегчением выдохнул. Прямо с порога в лицо ударил уже знакомый ему тяжелый селедочный дух, ароматы морской капусты, торфа и водки. С бровей и ресниц по щекам побежали капельки оттаявшего льда, послышался мерный шум голосов и треск огромной печи, глаза сощурились от дрожащих свечных огоньков.

За длинными, отполированными до блеска деревянными столами сидела немногочисленная публика — все больше из купечества средней руки, артельщиков и мелких чиновников. Сидели, как правило, порознь — угрюмо уткнувшись в свои тарелки и кружки; но кое-где и разговаривали, только вот непонятно о чем — вроде и слышно каждое слово, а как прислуша-

ешься, так только рукой махнешь. Еще некоторая часть посетителей разместилась на печи — эти и вовсе спали, лишь изредка всхрапывая да икая. За всем этим молча наблюдал суровый буфетчик с подкрученными усами, выглядывая из-за своей высокой стойки.

— Эй, любезный, — обратился к нему Следователь, после чего лицо буфетчика, действительно, приобрело несколько любезное выражение. — Где тут у вас черный ход?

Тот зевнул и махнул рукой через спину:

— А вот, через кухню, ваше благородие... — Затем он внимательно заглянул Следователю в лицо и, видать, что-то там такое обнаружил, потому что поспешно добавил: — Не желаете ли передохнуть? Стужа страшная, господин чиновник, вам бы того, согреться!

— Да... — растерянно пробормотал Следователь, расстегивая пуговицы шинели. — Налей-ка мне вина, братец...

— Так точно-с!

Буфетчик хитро подмигнул, и на стойке откуда ни возьмись тут же появился штоф мутного зеленого стекла и толстостенная рюмка. Следователь залпом выпил обжигающую прозрачную жидкость, стукнул перевернутой чаркой о липкую столешницу и зажмурился. Какое-то время он стоял неподвижно, прислушиваясь к себе.

Но нет, подворотня никуда не делась — она все еще была здесь, рядом; бессмысленно пялилась сквозь стену слепыми бельмами пустых глаз. Следователь обессиленно рухнул на ближайшую лавку, чуть не придавив при этом незаметного серенького мужичка в тулупе. Тот вскинулся, вытаращил ословелые глаза и в ужасе уставился на решительного служивого господина. Впрочем, стоило Следователю расстегнуть шинель, как мужичок тут же успокоился, лишь скользнув взглядом по синему жандармскому мундиру. Немного даже приосанившись, он требовательно заозирался по сторонам.

— Ваше благородие, я уж, чтобы зазря не бегать... — вынырнувший из ниоткуда буфетчик поставил на стол сразу две наполненных до краев рюмки и вдруг заметил неказистого соседа Следователя. — Ты заказывать будешь или поселиться тут удумал?

— Еще парочку, — с большим достоинством прохрипел тот, алчно глядя на водку.

Буфетчик хмыкнул, доверительно склонился к Следователю и принялся жаловаться:

— Сидят здесь целыми днями, а заказывают дай Бог, чтоб на мильён набежало... — Тут он понизил голос до шепота. — Не служат, хозяйства не ведут, от призыва уклоняются-с...

Следователь взглянул на соседа, который слушал весь этот разговор с некоторым презрением, и обернулся обратно к буфетчику, намереваясь ответить — но тут заметил, что тот вдруг как-то переменялся в лице и молча отошел обратно к стойке.

— Скотина, — убежденно подытожил мужичок, — это он, господин жандарм, ваш мундир определил.

Он все никак не мог отвести взгляда от рюмок, и Следователю ничего не оставалось сделать, кроме как предложить страдальцу угоститься. Тот слегка поклонился и торжественно чокнулся, ожидая тоста.

— За победу! — как-то не очень уверенно провозгласил Следователь.

— Света над тьмой, — подхватил его собутыльник и поспешно втянул в себя содержимое рюмки.

Следователь последовал его примеру, и по телу разлилась душная горячая волна. Зашумело в ушах, стол медленно поплыл куда-то вбок.

— ... криков над тишиной, боли над параличом, огня над морозом, — продолжал тем временем удивительно красноречивый мужичок, с трудом ворочая языком. — Долой пустоту! Вы как думаете, господин чиновник? Есть у нас еще шансы?

— На победу? — Следователь нервно постучал пальцами по столу. — Что за вопрос...

Какой-то гаденький получался разговор, недостойный. Еще не хватало ему, офицеру Жандармского корпуса, с первым попавшимся пьянчужкой в упаднические настроения впадать. Следователь раздосадованно сплюнул:

— Если бы такие, как ты, по углам не прятались от службы, то уже давно бы победили!

Мужичок не оскорбился и не обиделся, а скорее растерялся.

— Дак чем же я могу помочь?

— А вот это не надо. Каждому место найдется! Вот, скажем, ты...

Тут Следователь замаялся. Только теперь он обратил внимание, как плохо сочетались речь и манеры пьяницы с его крестьянским тулупом и огромными валенками.

— Ты, вы... вообще по какой части проходите?

Загадочный собутыльник усмехнулся:

— Теперь уже совсем не прохожу, господин жандарм, — не те времена нынче. Но дело-то ведь не в этом — вот поступил бы я на фронт, скажем... машинистом локомотива с двигателем внешнего сгорания, и что?

Он выговорил сложные слова с большим трудом, однако совершенно правильно и ни на секунду не задумавшись. Следователь вытаращил на него глаза — неужто и впрямь такой специалист?

— Так что вы это бросьте, сами же все прекрасно понимаете, куда оно идет. Я же вижу, у вас на лице написано. Ведь все это, — мужичок махнул рукой в сторону двери, — это же никуда не годится. Знаете, чего я на самом деле боюсь?

Следователь обернулся, словно бы ища поддержки, но пьяница не медлил:

— Что я однажды приду сюда, в этот трактир, а тут пусто. Людей нет, выпивки нет, даже вот этого — он ткнул пальцем в подошедшего с новыми рюмками буфетчика, — и того нет...

— Довольно, — прорычал Следователь, выхватил рюмку с подноса и жадно ее опрокинул. Легче ничуть не стало, но зато где-то в темноте души слабо полыхнул тлеющий уголек гнева.

— Вы просто трус, — продолжил он, задыхаясь от перехватившего грудь спирта. — Знаю я таких, отговорок у вас всегда полно! Глаза бы мои вас не видели... Да впрочем, и не увидят. Вы что, думаете, раз жандарм, так сразу и тыловая крыса? Нет, милостивый государь, я сего же дня отбываю на фронт, вот как! Хоть там от этого всего отдохну... Там все... настоящее...

По телу разливалось приятное тепло; чернота постепенно отступала. Какое-то время Следователь слушал, как где-то вдалеке одобрительно бормочет буфетчик; затем он почувствовал, как его лоб коснулся холодной столешницы, и резко вскинулся:

— А ведь у меня жена и маленький ребенок, понимаешь ты? Тьфу! У тебя-то, небось, и семьи нету...

— Три девочки, — очень тихо проговорил мужичок, — и все — особенные... Вот, взгляните — я фотокарточку всегда ношу с собой... на всякий случай.

Но Следователь его уже не слушал. В ушах звенело, а губы сами собой шевелились, повторяя раз за разом:

— Мне нужно домой... ждет жена. И ребенок... Ждут меня, дома...

В теплую, вязкую тишину забытья вдруг ворвался звук — гулкий удар колокола — и в голове Следователя всплыли на поверхность несколько мутных, тревожных мыслей. Он тут же их разогнал и приготовился уже нырнуть обратно — но тут остро засадило в боку, и пустота окончательно рассеялась, разлетевшись по сторонам рваными клочьями. Следователь открыл глаза и первым делом воззрился на источник неудобства. Им оказалась бледно-персиковая папка, что упиралась своим острым коленкоровым углом прямо ему под ребра.

Оглядевшись по сторонам, он обнаружил себя лежащим на печи, что стояла посреди трактира. Народу значительно поубавилось — пропал и мужичок в тулупе, и компания говор-

ливых купцов, и даже усатый буфетчик, на смену которому заступил новый — низенький и круглый, как бочонок. Он лениво бродил по залу, готовя его к своей рабочей смене.

— Отдохнули, ваше благородие? Не прикажете ли подлечиться?

Следователь сжал руками голову, которая, как ему казалось, все норовила куда-то уплыть, и еле слышно процедил:

— Сколько должен?

Буфетчик растерянно поморгал, потом побрел к стойке, с чем-то там сверился и наконец объявил:

— А всего-то выходит девятьсот тыщенок, господин чиновник!

Следователь осторожно спустился с печи, бросил монету на прилавок и побрел к черному входу.

— Премного благодарен, ваше превосходительство! Очень щедры-с...

За время, что Следователь провел в трактире, вьюга, казалось, окрепла и набралась сил — по крайней мере стоило ему лишь выйти за порог, как она тут же вцепилась в него своими морозными клещами с молчаливой жестокостью. Благо, идти осталось совсем немного — через пустую снежную равнину площади, а затем всего один квартал — и вот он, дом.

Он уже подходил к лестнице, ведущей в его родной подвальчик, выходящий узкими окошками на улицу, как внезапно прямо перед ним из рыжего облака метели вынырнули расплывчатые неясные тени. Их было не меньше пяти — безмолвных, серых, грузных.

— Ммм, — промычала одна из теней и внезапно крепко ухватила Следователя за рукав. Он инстинктивно рванул руку — но та не сдвинулась ни на дюйм.

— Руки прочь, — проскрипел он, отчаянно стараясь затормозить плывущую перед глазами картинку.

— Ты куда ходишь без документов? Ты тут не ходь, не положено!

Это несколько прояснило ситуацию. Следователь огрызнулся сквозь стиснутые зубы:

— Есть у меня документы, пусти!

— Раз есть, так показуй, — почти даже миролюбиво пробасил держащий его за рукав голем.

— Как же я покажу, когда ты меня за руку держишь?

— А это уж не наше дело. Наше дело непорядку не допускать.

Следователь понял, что дальнейшие аргументы не действуют, и принялся было выворачиваться так, чтобы извлечь удостоверение посредством одной лишь левой руки, но тут густую пелену метели вдруг прорезал резкий протяжный вой. Постепенно нарастая, он делался все более и более невыносимым; затем к нему подключились голоса полицейских свистков, трещоток и колоколов — и вскоре уже весь город выл, стонал и визжал в каком-то демоническом хоре.

— Тревога! — закричал Следователь и рванулся в сторону дома — но, разумеется, безрезультатно. Завернутые в длинные серые шубы фигуры не подумали даже и шевельнуться.

— Болваны, оглохли? Боевая тревога! Вы что, мундир не видите? А ну отставить! Смирно!

— Ты билет-то покажь, мундир. Ишь спешит-то как... Или нет у тебя ничего?

Следователь пошатнулся от ударившей в голову крови. Задыхаясь от бешенства, он закричал, левой рукой нащупывая эфес шпаги:

— Я советник Республики, и если вы, сволочь такая, сейчас же...

Стоящий слева от Следователя истукан слегка дернул рукой — небрежно, будто бы играючи — и свет окончательно померк перед его глазами.

Очнулся он от обжигающего холода сугроба. Голова трещала по швам, и казалось, вот-вот лопнет. Но еще хуже обстояли дела с плечом — при ударе его рукав так и не выпустили,

и теперь Следователь висел над землей с задранной кверху рукой, словно сломанная кукла. Откуда-то сверху прогудели все так же равнодушно:

— Показуй.

И пришлось показывать. Жетоном верзила не заинтересовался, взял в лапы удостоверительный билет Отдельного корпуса; привычно пролистал до последней странички и долго смотрел на печать. Казалось, он ничего не проверял, а именно что смотрел — по крайней мере на его широком крестьянском лице не отразилось ни малейшего отблеска чувств. Еще спустя несколько секунд, не произнеся более ни слова, вся компания растворилась в рыжем закатном мареве.

— Все на выход! А ну, шевелись!

Все еще клокоча от ярости, Следователь быстро шел по длинному коридору, изо всех сил барабанил в дверные рамы здоровой рукой. Казалось, он хотел таким образом выплеснуть злобу, но выходило только хуже — каждый удар отдавался острой резью в вывихнутом плече, отчего он заводился еще пуще.

А ведь остолопы эти, в сущности, все правильно делали — потому что как иначе? Добровольцы все уж давно вышли, а воевать-то надо? Солдат на ротацию надо? Оно выходит, конечно, нехорошо — ну а когда один несчастный по три года в окопе мерзнет без продыху — это что же, хорошо? Нет уж, теперь не до сантиментов. Однако ни все эти резонные рассуждения, ни экстренная ситуация, ни важность возложенной на него задачи — ничего не помогало; вместо этого перед глазами почему-то представился давешний трактир, но совершенно темный и пустой.

Очередная дверь со скрипом отворилась, и из проема высунулась рыжая лопухая голова с заспанными припухшими глазками.

— Господин ротмистр, чего случилось-то? Нешто пожар?

— Я тебе дам пожар, — прошипел окончательно взбеленившийся от образа трактира ротмистр и с размаху залепил бездельнику увесистую затрещину.

— Ты зачем уши отрастил, для красоты? Тревогу не слышишь, скотина?

Тот взвыл и отскочил в полутьму комнаты.

— Вашбродь, да она же каждую неделю вопит, и все попусту...

— Женщины, с детьми и документами на выход, — гремел Следователь так, чтобы слышно было даже в самой отдаленной комнате. — Мужчины, построиться!

Заскрипели отворяемые двери, послышался приглушенный гул беспокойных голосов. Сам же Следователь быстро вернулся в начало коридора и толкнул дверь своей комнаты.

И тут вдруг разом смолкли и визжащие паром сирены, и городовые со своими свистками, и многотонные колокола ратуши. Даже голоса в коридоре поутихли; казалось, весь мир замер только лишь для того, чтобы у Следователя не осталось никаких сомнений — комната была пуста.

Пуста и темна. В этой темноте, как в густой смоле, мгновенно захлебнулась и растворилась вся его злоба и раздражение, уступив место смутной тревоге и еще почему-то жалости к самому себе. Чуть не плача, чертыхаясь и спотыкаясь, Следователь на ощупь добрался до письменного стола и зажег масляный светильник. Слабый и беззащитный огонек едва сумел осветить самого себя, край стола да металлическое изголовье кровати.

Следователь бросил шинель на спинку стула и медленно опустился на продавленный матрас. Какое-то время он сидел, уставившись на несчастный огонек, но тут послышался глухой деревянный стук — это из шинели на пол выпала бледно-персиковая коленкоровая папка. Следователь, чье худое лицо в подрагивающем свете фонаря казалось высеченным из камня, медленно повернул голову и уставился на нее. Нужно будет обязательно ее изучить. Но не сейчас. Чуть позже.

Глава четвертая

в которой пытаются приручить туман

На тонкой гербовой бумаге не было места привычным завитушкам, росчеркам и кренделькам — сразу под кольцом закованной в стальную чешую змеи начинались ряды букв, выведенных казенным канцелярским почерком. Профессор дернул себя за бородку и решительно поднялся. Сгрел со стола мелкую сургучную крошку, прихватил конверт и решительно направился к печи. Уже даже и заслонку топки отворил, и кочергой в углях поковырял, но вдруг замер в нерешительности. Медленно обернулся — и точно.

У дверей кабинета стояла его дочь. Как и всегда, она появилась словно бы из ниоткуда — бесшумная и едва заметная на фоне гипсовой стены. Бледная, почти прозрачная, как призрак. В свои шестнадцать она выглядела дай Бог на восемь — и то лишь благодаря бездонным, совсем не детским серым глазам.

Профессор вздохнул. Говорят, теперь таких детей все больше и больше — добрая половина из рожденных за последнее десятилетие. Энтропиопатический синдром. *Systemica entropiopathia*. Чума нового времени. Профессор часто бывал на медицинских лекциях и изучал доклады лучших светил врачебного дела, — но единственным, в чем они соглашались друг с другом, оставалось название. Некоторые утверждали, что истоки болезни лежат в комплексном нарушении гомеостаза, другие искали причину в генетике; третьи налегали исключительно на психику... А бедняжки тем временем час от часу чахли, истончались, таяли, как снежинки на руках.

Глаза Профессора увлажнились. Он слишком хорошо знал, что сейчас будет.

— Папа, сделай, пожалуйста, что-нибудь. Я же тебя столько раз просила... — Она обхватила руками свои костлявые плечики. — И ее просила! Почему она не дает мне свободы? Зачем она так со мной?

Это она про гувернантку. Наверняка дура опять предложила ей что-нибудь — пообедать, поиграть на пианино, почитать... Все это девочку не интересовало. Ее не интересовали сверстницы, она никогда не говорила о мальчиках... Ей хотелось лишь одного — свободы. Об этом она твердила не уставая, год за годом — всегда одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.